

I. ГРАММАТИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 1. Перемены в терминологии

Как было бы хорошо дать четкое и простое определение слову «цивилизация» подобно тому, как мы определяем прямую линию, треугольник, химический элемент...

К сожалению, терминологический словарь наук о человеке не позволяет использовать слишком категоричные определения. Это не значит, что все понятия здесь неопределенны или находятся в процессе становления. Просто большинство терминов оказываются не определенными изначально, они меняются в зависимости от использующих их авторов и не перестают эволюционировать на наших глазах. Как говорит Леви-Стросс, «слова — это те инструменты, которые каждый из нас волен использовать по своему усмотрению с тем, однако, условием, что он объясняет свои намерения». Это означает, что в дисциплинах, относящихся к наукам о человеке (как, впрочем, и в философии), самые простые слова меняют свое значение в зависимости от мысли, которая дает им жизнь и их использует.

- Слово «цивилизация», являющееся неологизмом, во Франции появляется поздно, в XVIII в., причем незаметно.

Оно возникло в качестве производного от прилагательного «цивилизированный, культурный», от глагола «цивилизировать, приобщать к культуре», которые до этого уже давно существовали и в XVI в. уже были в обиходе. Слово «цивилизация» еще в 1732 г. оставалось термином сугубо юридическим и означало судебный акт или судебное решение, которое превращало уголовный процесс в гражданский. Современное выражение — в смысле «перехода к цивилизованному состоянию» — возникло позднее, в 1752 г., под пером Тюрго, который готовил в то время свой труд по всемирной истории, но сам его так и не опубликовал. Впервые в напечатанном тексте это слово появилось в работе «Друг людей, или Трактат о населении» (1756) Мирабо, который был отцом знаменитого революционного трибуна. Речь там шла об «орудиях цивилизации» и даже о «роскоши ложной цивилизации».

Забавно, но Вольтер не использовал слово «цивилизация», «хотя сам был тем человеком, который фактически создал данное понятие в своей книге *Опыт о нравах и духе народов* (1756) и сделал первый набросок общей истории цивилизации» (И. Хейзинга).

В своем новом значении *цивилизация* противопоставляется *варварству*. С одной стороны, существуют цивилизованные народы, с другой — народы дикие, примитивные, или варварские. Даже понятие «хорошие дикари», столь дорогое некоторым авторам XVIII в., не означает *цивилизированные*. Нет никакого сомнения, что французское общество в эпоху конца царствования Людовика XV в новом слове «цивилизация» не видит с удовлетворением портрета своего времени, которое и сейчас, по прошествии веков, еще может показаться нам соблазнительным. Чтобы там ни было, это слово возникло, потому что в нем нуждались. До этого слова *вежливый, приобщенный к культуре, учтивый,*

цивилизированный в смысле культурный (т.е. те, кто обладал хорошими манерами и знанием света) не соотносились ни с одним существительным. Слово *police* (*полиция*) обозначало скорее общественный порядок, что было довольно далеко по смыслу от прилагательного *poli* (*воспитанный, вежливый, культурный, светский*), значение которого *Универсальный словарь* Антуана Фюретьера (издан в 1690 г.) определял следующим образом: «Используется в моральном смысле и означает цивилизованный. Цивилизовать, облагородить нравы, приобщить к культуре и обществу... Ничто так не цивилизует и не облагораживает молодого человека, как общение с дамами».

- **Цивилизация и культура. Выйдя за пределы Франции, слово «цивилизация» быстро становится обиходным в Европе. Его сопровождает слово «культура».**

В Англию это слово приходит в 1772 г., а может быть, и раньше, приобретает написание *civilization* и замещает слово *civility*, бывшее в обиходе уже долгое время. Без труда оно завоевывает и Германию (*Zivilisation*), где соседствует со старым словом *Bildung*. В Голландии, напротив, оно сталкивается с существительным *beschaving*, образованным от глагола *beschaven*, что означает «утончать вкус, облагораживать, цивилизовать». *Beschaving*, используемое примерно в том же значении, без труда берет на себя понятие цивилизации и успешно противостоит иноземному слову, хотя иногда используется и оно — в написании *civilisatie*. То же противодействие и по тем же причинам встретило новое слово и тогда, когда оно перешло Альпы: в Италии уже существовало и быстро вошло в обиход «цивилизация» старое и красивое слово *civilta*, которое еще использовал сам Данте. Оказавшись на своем месте, итальянское слово *civilta* помешало внедрению в разговорную речь нового иностранного слова, но не смогло помешать бурным дискуссиям вокруг самого понятия. В 1835 г. Романози сделал неудавшуюся попытку внедрить слово *incivilimento*, которое в понимании этого автора означало переход к цивилизации, а также и саму цивилизацию.

Распространяясь по Европе, новое слово «цивилизация» шло рядом со старым — *культура* (еще Цицерон писал: «*Культура есть душа философии*»), которое «молодело» и приобретало почти то же значение, что и цивилизация. Долгое время слово *культура* оставалось как бы дубликатом слова «цивилизация». Так, в своих лекциях в берлинском университете в 1830 г. Гегель равно употребляет и то и другое слово. Но настал день, когда оказалось необходимым различать их.

Понятие цивилизации имеет в действительности по меньшей мере двойной смысл. Оно означает одновременно моральные и материальные ценности. Карл Маркс, например, отличал *инфраструктуры* (материальные) от *суперструктур* (духовных), которые были взаимозависимыми. Шарль Сеньбос шутил: «Цивилизация — это дороги, порты и причалы», желая тем самым сказать, что цивилизация — это не только разум (дух). «Это все человеческое знание», — утверждал Марсель Мосс, а историк Эжен Кавеньяк говорил: «Это минимум науки, искусства, порядка и добродетели...»

Итак, цивилизация имеет по меньшей мере два уровня. Отсюда попытка многих авторов различать два слова — культура и цивилизация, представляя дело таким образом, что одно слово несет в себе духовный смысл, а другое означает материальные блага. Но случилось так, что никто не принял окончательно такого деления: в разных странах и даже в одной стране, в разное время, разные авторы трактовали эти слова по-своему.

В Германии после некоторого периода колебаний приоритет практически был отдан слову «культура» (*Kultur*) при сознательном обесценении слова «цивилизация». Для Ф. Тенниса (1922) и Альфреда Вебера (1935), «цивилизация» означает лишь единство технических и практических знаний, набор средств для воздействия на природу; напротив,

«культура» представляет собой нормативные принципы, ценности, идеалы — одним словом, разум (дух).

Эти позиции объясняют странное на первый взгляд для француза замечание немецкого историка Вильгельма Моммзена: «Сегодня (1951) долг человека состоит в том, чтобы помешать цивилизации разрушить культуру, а технике — человеческое существо». Эта фраза удивляет нас потому, что в нашей стране, как в Англии или США, слово «цивилизация» остается доминирующим, тогда как в Польше и в России, подобно Германии и под ее влиянием, первое место занимает слово «культура». Во Франции слово «культура» сохраняет свое значение только при обозначении «всякой *личной* формы духовной жизни» (Анри Марру): мы говорим о культуре, а не о цивилизации Поля Валери. Цивилизация означает прежде всего коллективные ценности.

Ко всем этим сложностям добавим еще одну — последнюю и самую значимую. Начиная с Э. Б. Тайлора (*Первобытная культура*, 1874), англосаксонские антропологи старались использовать для обозначения исследуемых ими первобытных обществ термин, который бы отличался от термина «цивилизация»; англичане им обычно обозначают современные общества. Они скорее скажут (и все антропологи вслед за ними повторят), примитивные *культуры*, чтобы отличать их от *цивилизаций* развитых обществ. <...>

К счастью, общеупотребительного прилагательного *культурный*, изобретенного в Германии к 1850 г., все это не касается. Его смысл включает одновременно и цивилизацию, и культуру. В этом случае, говоря о цивилизации (или культуре), подразумевают, что она есть совокупность *культурных благ*, ее географическое месторасположение — это *культурное пространство*, ее история — это *история культуры*, а заимствования одной цивилизации у другой есть *заимствования* или *переносы* культуры, причем они могут быть как духовного, так и материального характера. Это прилагательное оказывается слишком легким, а потому раздражающим: его считают слишком грубым и слишком общим. Но до тех пор, пока ему не будет найдено достойной замены, за его будущее можно не беспокоиться. Оно остается единственным в своем роде.

- **К 1819 г. термин «цивилизация», до того употреблявшийся в единственном числе, приобретает множественное число.**

С этого времени термин «стремится приобрести новое, причем *совершенно другое* значение: совокупность характеристик, свойственных коллективной жизни определенной группы или определенной эпохи». Говорят о цивилизации Афин в V веке или о французской цивилизации в век Людовика XIV. Поставить проблему *цивилизация* и *цивилизации* значит столкнуться с еще одной сложностью, и немаловажной.

В мышлении нашего современника XX в. доминирует термин «*цивилизации*», который в большей степени, чем термин, «цивилизация», отражает его личный опыт. Музеи выводят нас за рамки одной страны во времени, здесь мы почти полностью погружаемся в эпохи минувших *цивилизаций*. Перемещения из страны в страну еще полнее ощущаются в пространстве: пересечь Рейн или пролив Ла-Манш, приблизиться к Средиземному морю с Севера — это незабываемый опыт, который свидетельствует о множественности рассматриваемого понятия. Речь идет, безусловно, о *цивилизациях*.

Но если нас попросят дать определение термину *цивилизации*, то сразу возникают сомнения. Действительно, использование слова «цивилизация» во множественном числе соответствует исчезновению некоей концепции, постепенному затуханию некоей идеи, свойственной XVIII в., а именно той *цивилизации*, которую путают с идеей прогресса, якобы присущего лишь некоторым привилегированным народам или некоторым привилегированным группам людей — «элите». К счастью, XX в. избавился от некоторых

поверхностных суждений и уже не берет на себя смелость определить лучшую (исходя из каких критериев?) из цивилизаций.

В этом контексте цивилизация в единственном числе утратила былой блеск. Отныне это уже не высокая, не высочайшая моральная и интеллектуальная ценность, как ее трактовали в XVIII в. Сегодня, например, в плане лингвистическом какой-либо отвратительный акт назовут скорее преступлением против *человечества*, чем преступлением против *цивилизации*, хотя смысл остается тот же. Но современный язык испытывает определенную сдержанность в использовании слова «цивилизация» в его старом значении исключительности, человеческого превосходства.

Не отражает ли термин «цивилизация», взятый в единственном числе, то общее достояние, пусть даже неравномерно распределенное, которое используется всеми цивилизациями, а именно — то, что «сохраняется в человеческой памяти навечно»? Огонь, письменность, счет, одомашнивание растений и приручение животных — все это отныне является достоянием человечества, коллективным достоянием *Цивилизации*.

Распространение общих культурных благ среди всего человечества приобретает в современном мире особый размах. Созданные Западом технические новшества экспортируются по всему миру и с радостью принимаются. Они создают единый образ мира: здания из бетона, стекла и стали, аэродромы, железные дороги с вокзалами и громкоговорителями, огромные города, где концентрируется большинство населения планеты. Объединяет ли вся эта техника мир? Реймон Арон писал: «Мы находимся на той стадии развития, когда мы обнаруживаем одновременно относительную истинность концепции цивилизации и необходимость преодоления этой концепции... Фаза цивилизаций заканчивается и человечество переходит, хорошо это или плохо, на новую стадию развития...», стадию *единой цивилизации*, способной распространиться на всю Вселенную.

Вместе с тем экспортируемая Западом «индустриальная цивилизация» является лишь одной из характерных черт западной цивилизации. Принимая эту ее сторону, остальной мир вовсе не принимает всю эту цивилизацию целиком. Прошлое цивилизаций — это история постоянных заимствований друг у друга на протяжении веков, что вовсе не исключало сохранения ими своих коренных особенностей и самобытности. Признаем, однако, что впервые доминирующий аспект какой-либо одной цивилизации охотно заимствуется *всеми* цивилизациями мира, тем более что скорость современных коммуникаций способствует быстроте и эффективности этого заимствования. Мы полагаем, что происходит проникновение вышеназванной *индустриальной цивилизации* в коллективную цивилизацию планеты. Результатом этого проникновения стал, становится, станет процесс перестройки структур каждой из цивилизаций.

Короче, даже если предположить, что все мировые цивилизации сумеют рано или поздно адаптировать технические новшества и с их помощью унифицировать свой образ жизни, все равно в течение еще долгого времени будут сосуществовать резко отличающиеся друг от друга цивилизации. Еще долго слово «цивилизация» в понятийном значении будет сохранять единственное и множественное число. В этом вопросе историк смело может быть категоричным.

Глава 2. Цивилизация определяется в соотношении с другими науками о человеке

Понятие «цивилизация» может быть определено только в соотношении со всеми науками о человеке, в том числе и с историей. Но на истории мы в данной главе особо останавливаться не будем.

Попробуем дать определение концепции цивилизации, призвав на помощь — поочередно — географию, социологию, экономику, коллективную психологию. Мы обратимся и к дисциплинам, которые не являются смежными. Тем не менее полученные ответы будут приближаться друг к другу.

Цивилизации как географические и культурные пространства

Вне зависимости от своих размеров, слишком великих или ничтожно малых, цивилизации всегда могут быть локализованы на географической карте. Их реальное бытие во многом зависит от преимуществ либо недостатков в их географическом местоположения.

Конечно, это местоположение обустривалось человеком на протяжении веков, часто тысячелетий. Любой пейзаж несет на себе отпечаток этого постоянного труда: поколения людей приспособляли его для своих нужд, если можно так сказать — капитализировали. В процессе этого труда человек сам менялся под воздействием «этой своей могучей работы над собой», как говорил Мишле, или, говоря иначе, этого «производства человека человеком», как писал Карл Маркс.

- **Говорить о цивилизациях — значит говорить о пространствах, землях, рельефах, разнообразии климата, растительности, животного мира, об унаследованных или приобретенных преимуществах.**

И обо всех последствиях этого для человека: сельском хозяйстве, животноводстве, пище, домах, одежде, коммуникациях, промышленности... Сцена, на которой разыгрываются эти нескончаемые театральные постановки, частично определяет их ход, объясняет их особенности; люди приходят и уходят, а сцена остается более или менее той же.

Для индолога Германа Гётца две Индии противостоят друг другу: Индия с влажным климатом, для которой характерны обильные дожди, озера, болота, водяные растения и цветы, леса и джунгли, Индия людей с темной кожей; и контрастирующая с первой Индия с относительно засушливым климатом, включающая средний Инд и средний Ганг, Индия — страна людей со светлой кожей, обладающих воинственным характером. Индия в целом представляется местом диалога, борьбы этих двух пространств, двух человеческих типов.

Естественно, что наличие одновременно естественной и созданной человеком природной среды не предполагает узкого детерминизма. Среда всего не объясняет, хотя и является важным фактором в виде естественных или завоеванных преимуществ.

Если говорить о естественных преимуществах, то каждая цивилизация возникала на основе уже имеющихся преимуществ, того, чем человек воспользовался еще на заре своего существования. Так, *речные цивилизации* Древнего мира расцвели по берегам Желтой реки, или Хуанхэ (китайская цивилизация), Инда (доиндийская цивилизация), Евфрата и Тигра (Шумерское царство, Вавилон, Ассирия), Нила (египетская

цивилизация). Схожим образом, благодаря близости моря, расцвели *приморские цивилизации*: Финикия, Греция, Рим (если Египет представляет собой дар Нила, то они всем обязаны Средиземному морю) или сильные цивилизации Северной Европы, возникшие в бассейне Балтики и Северного моря. А можно ли забыть об Атлантическом океане и его цивилизациях: основная часть нынешнего Запада группируется вокруг океана, как некогда Римская империя концентрировалась вокруг Средиземного моря.

Эти классические случаи возникновения и развития цивилизаций доказывают главенство путей сообщения. Ни одна цивилизация не может существовать без них, без обогащающих цивилизацию торговых обменов и плодотворных контактов. Мир ислама, например, нельзя представить без движения караванов через огромные «безводные моря», без пустынных и степных пространств; его трудно представить также без плавания по Средиземному морю, без морских путешествий через Индийский океан к берегам Китая.

Но, перечисляя все эти успехи, мы выходим за пределы естественных преимуществ и оказываемся у так называемых истоков цивилизаций. Преодолеть враждебность пустынь, внезапный гнев Средиземного моря, использовать ветры Индийского океана, построить плотину на реке — это требует огромных человеческих усилий и потому может рассматриваться как приобретенные, а точнее завоеванные преимущества.

Но почему одни люди были способны на такие деяния, а другие нет, почему на одних территориях это стало возможным, а на других нет и почему так продолжалось на протяжении многих поколений?

Арнольд Тойнби предлагает по этому поводу соблазнительную гипотезу: человеческому успеху всегда необходимы *вызов* и *ответ на брошенный вызов* (то, что в переводе с французского звучит как принять вызов и дать отпор); нужно, чтобы природа представлялась человеку в виде преодолимой трудности. Если человек отвечает на брошенный вызов, то его ответ и создает сами основы цивилизации.

Однако, если логически развить эту теорию, то можно сделать заключение: чем значительнее вызов, брошенный природой человеку, тем мощнее должен быть его ответ. Но это утверждение вызывает сомнения. Цивилизованный человек XX в. принял вызов пустынь, полярных или экваториальных областей. Но, несмотря на очевидные экономические интересы этих регионов (золото, нефть), население здесь не увеличивается, здесь не было создано подлинных цивилизаций. Итак, что же получается? Присутствует вызов, есть ответ, но нет цивилизации. Их не будет по крайней мере до того времени, пока не будут созданы новые технические средства и не появятся лучшие ответы.

Каждая цивилизация привязана к какому-то географическому пространству, границы которого более или менее стабильны. Отсюда вытекает, что каждая цивилизация имеет особую, свойственную именно ей географию, предполагающую совокупность возможностей, трудностей, некоторые из которых носят перманентный характер. Эти возможности и трудности варьируются от одной цивилизации к другой. Каков же результат? Разноцветная палитра мира, где географические карты отмечают зоны деревянных, саманных, бамбуковых, бумажных, кирпичных и каменных домов; зоны текстильного сырья (шерсть, хлопок, шелк); зоны произрастания основных продовольственных культур (рис, кукуруза, зерно)... Разнообразие вызовов и, соответственно, ответов на них.

Западная или европейская цивилизация — это цивилизация зерновых культур, хлеба, точнее — белого хлеба, что подразумевает трудности их выращивания. Ведь зерновые культуры требовательны. Подумайте хотя бы о необходимости проводить ежегодную ротацию севооборота или оставлять каждые два года или год часть земель под паром, чтобы дать земле возможность отдохнуть. Не меньшие трудности возникают при выращивании риса: вспомним хотя бы находящиеся в низинах затапливаемые рисовые

плантации на Дальнем Востоке.

Таким образом, ответы человека на вызовы природы одновременно высвобождают его из плена окружающей среды и заставляют его подчиняться принятым им же в качестве ответа решениям. Человек освобождается от одного детерминизма, чтобы тут же подчиниться другому.

- **На языке антропологов культурное пространство есть то пространство, в котором господствует совокупность определенных культурных черт.**

Когда речь идет о первобытных народах, то помимо языка внимание обращают на их продовольственные культуры, форму брака, верования, гончарные или оружейные ремесла, технологию ткачества... Эти пространства определяют антропологи по точным деталям, и они являются в основном узкими.

Различные культурные пространства объединяются в более крупные согласно некоторым общим групповым чертам, что отличает их от других крупных объединений такого рода. Марсель Мосс предполагал, что вокруг огромного Тихого океана примитивные культуры образовывали, несмотря на большие разделяющие их пространства и значимые отличия друг от друга, единый человеческий или, скорее, культурный комплекс.

Вполне естественно, что вслед за антропологами географы и историки тоже начали говорить (на сей раз уже по отношению к сложным и эволюционировавшим цивилизациям) о *культурных пространствах*. Это означало, что единые пространства разделялись на отдельные регионы. Ниже мы увидим, что такое разделение важно для крупных цивилизаций: они периодически распадаются на более мелкие части.

Так называемая «западная» цивилизация — это одновременно и «американская цивилизация» США и «американская цивилизация» Латинской Америки, а кроме того, это Россия и, естественно, Европа. Европа к тому же представляется совокупностью цивилизаций: польской, немецкой, итальянской, английской, французской и пр. Это уже не говоря о том, что национальные цивилизации могут в свою очередь подразделяться на еще более мелкие «цивилизации»: Шотландия, Ирландия, Каталония, Сицилия, страна басков и т. п.

Не забудем при этом, что эти разграничения, эти разноцветные мозаики есть *постоянные или почти постоянные величины*.

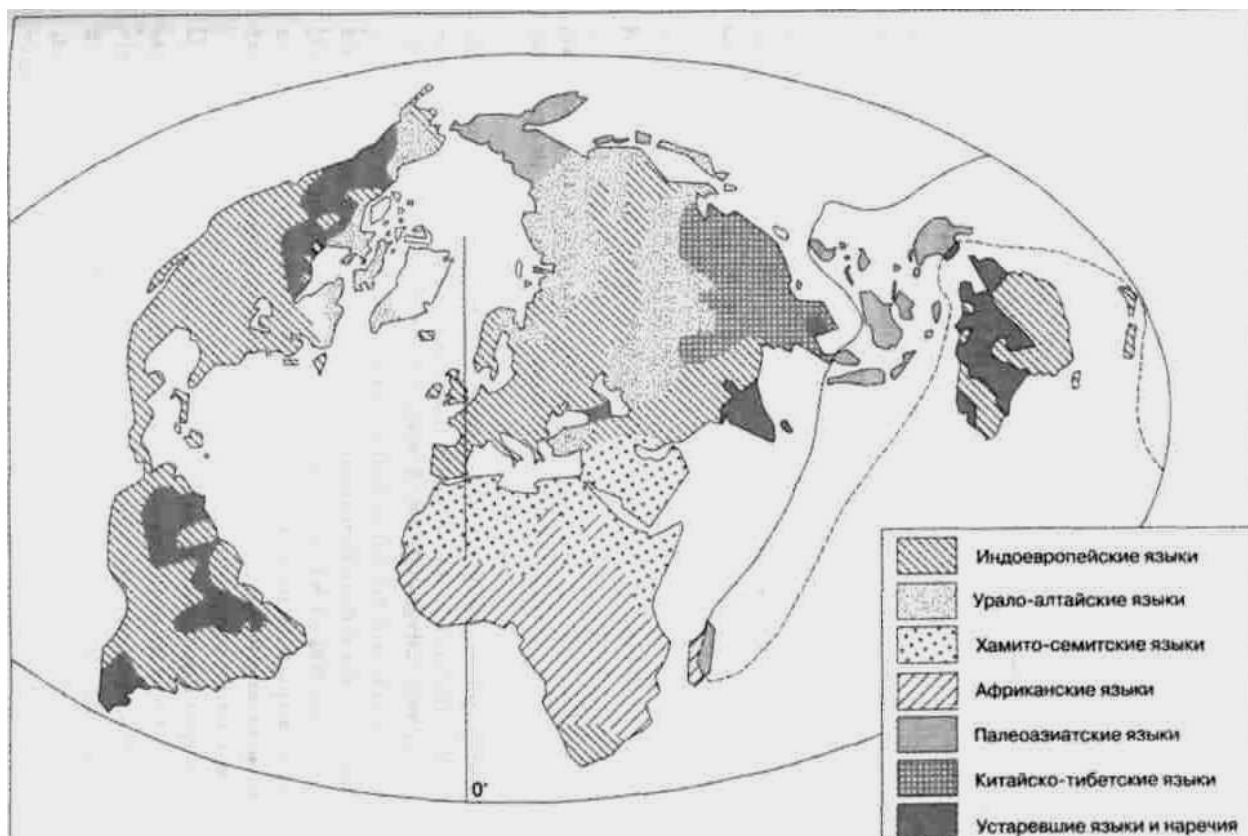
- **Фиксированность пространств и их границ не исключает прозрачности тех же границ для постоянно перемещающихся через эти границы культурных ценностей.**

Каждая цивилизация экспортирует и импортирует культурные ценности. При этом речь может идти как о технике вытапливания воска, так и о компасе, порохе, закаливании стали, о философской системе или ее составляющих, о религиозном культе, о религии или даже о той известной песенке про «собравшегося в поход Мальбрука», которая с XVIII в. обошла Европу: Гёте слышал ее на улицах Вероны в 1786 г.

Социолог Жилберто Фрейре составил ради интереса список всего того, что его родная страна Бразилия получила от далекой в ту пору (в последние десятилетия XVIII в. и первую половину XIX в.) Европы: темное гамбургское пиво, английский коттедж, паровую машину (первый пароход начинает курсировать в заливе Сан-Сальвадор с 1819 г.), летний полотняный белый костюм, искусственные зубы, осветительный газ и, прежде чем все вышеперечисленное, тайные общества, в частности масонскую ложу, роль которой была велика в истории борьбы за освобождение всей испано-португальской

Америки. Несколько десятилетий спустя пришла очередь философской системы Огюста Конта, влияние которой было столь значительно, что она оставила свои следы до наших дней.

Этот пример, к которому можно добавить тысячи других, доказывает, что никакая культурная граница не является закрытой, непроницаемой.

Характерная особенность былых времен: культурные ценности мигрировали понемногу, из-за длительности перемещений. Если верить историкам, китайская мода эпохи Тан (VII в. н.э.) так медленно продвигалась, что достигла Кипра только в XV в., откуда она распространялась по Средиземноморью во Францию ко двору слегка свихнувшегося Карла VI: здесь женские наряды и головные уборы, башмаки с острым загнутым кверху носком — все эти свидетельства давно исчезнувшей эпохи произвели настоящий фурор. Так доходит до нас свет звезд, потухших много веков назад.

В наше время распространение культурных благ несоизмеримо ускорилось. Скоро не останется ни одного уголка в мире, который бы не оказался «зараженным» индустриальной цивилизацией, пришедшей из Европы. На Северном Борнео (ныне Сабах), который вместе с соседним Сураваком находился под английским протекторатом, несколько громкоговорителей распространяли передачи из Индонезии и коммунистического Китая. И хотя слушатели ничего не понимали, услышанные ими музыкальные ритмы повлияли на их традиционную музыку и танцы. А что говорить о влиянии кино, в особенности американского и европейского, на вкусы и даже нравы населения далеких от них стран.

Однако никакой пример не может соперничать с историей, рассказанной в маленькой книжке американского антрополога Маргарет Мид. В молодости она в течение нескольких месяцев жила среди одного из примитивных племен на острове в Тихом океане. Началась война, и эти люди оказались в новых условиях существования, впервые

сблизивших их с остальным миром. Через двадцать лет Мид повторила свое путешествие и увидела тех же людей, о чем и рассказала в очень эмоциональной манере в своей книге, где поместила их фотографии.

Так возникает диалог между *цивилизацией* и *цивилизациями*, который мы продолжим на протяжении всей книги. Можно ли сказать, что ускоренное распространение культурных ценностей взорвет границы цивилизаций — фиксированные демаркационные линии мировой истории? Многие в это верят, грустя или радуясь. Но каким бы ни было стремление цивилизаций заимствовать блага «современной» жизни, они не готовы слепо их все заимствовать. Происходит обратное, к чему мы еще вернемся: они упорствуют в *отказе заимствовать*, объясняя это своим вчерашним и сегодняшним желанием сохранить свою самобытность, над которой, как им кажется, нависла угроза.

Цивилизации как общественные формации

Не бывает цивилизаций без обществ, которые являются их носителями, способствуют их развитию своими противоречиями.

Отсюда первый вопрос, от которого нельзя уйти: а была ли необходимость в создании слова «цивилизация», его популяризации в научных кругах, если это слово есть лишь синоним слова «общество»? Почему Арнольд Тойнби постоянно употребляет слово «общество» (*society*) вместо того, чтобы говорить «цивилизация» (*civilization*)? Марсель Мосс также считал, что «понятие цивилизации, безусловно, менее ясно, чем понятие общества, которое она предполагает».

- **Общество никогда не может быть отделено от цивилизации, и наоборот: оба понятия касаются одной реальности.**

Или, как говорил Леви-Стросс, эти понятия «соответствуют не разным предметам, но двум дополняющим один и тот же предмет перспективам; этот предмет адекватно описывается либо одним, либо другим термином в соответствии с принятой точкой зрения».

Понятие «общество» подразумевает очень богатое содержание, что верно и для понятия «цивилизация», с которым оно часто совпадает. Западная цивилизация, в которой мы живем, также зависит от «индустриального общества», которое приводит ее в движение. Было бы удобно описать ее, описав данное общество, его группы, противоречия, материальные и моральные ценности, его идеалы, его закономерности, вкусы... Если короче, то описав людей, которые несут в себе эту цивилизацию и передадут ее последующим поколениям.

Общество эволюционирует, изменяется, и цивилизация также изменяется и эволюционирует в свою очередь. Об этом говорится в хорошей книге Люсьена Гольдмана *Сокровенный Бог* (1955), посвященной Франции Великого века. В частности, здесь объясняется, что всякая цивилизация определяет свои подходы, исходя из принятого ею «видения мира». Но каждый раз это видение мира представляет собой лишь отражение, следствие господствующих социальных противоречий. Подобно зеркалу, цивилизация отражает эти противоречия.

Во времена янсенизма, в эпоху Расина, Паскаля, аббата Сен-Сирана и аббата Баркоса, письма которых, обнаруженные Л. Гольдманом, представляют большой интерес, в эту замечательную пору французской истории, о которой рассказывается в книге *Сокровенный Бог*, господствующее трагическое видение мира было присуще парламентской крупной буржуазии, разочарованной абсолютизмом и находящейся в оппозиции к королевской власти. Осознанная трагичность судьбы, растущие способности

крупной буржуазии придали Великому веку ее видение мира.

Отожествление цивилизаций и обществ присуще, хотя и в ином духе, Леви-Строссу, когда он говорит о различиях между примитивными и современными обществами или между культурами и цивилизациями, если использовать термины антропологов.

Культурам соответствуют общества, «которые производят меньше беспорядка (физики называют это энтропией) и которые имеют тенденцию бесконечно поддерживать присущее им изначальное состояние. Это и объясняет то обстоятельство, что они представляются нам обществами, лишенными истории и прогресса. Тогда как наши общества (которые соответствуют современным цивилизациям) ...используют для своего функционирования разницу в потенциалах, которая реализуется посредством различных форм социальной иерархии... Таким обществам удалось осуществить внутри себя ту социальную неустойчивость, которую они используют для производства одновременно большего порядка, — поскольку являются обществами с использованием машинного производства, а также большего беспорядка меньшей энтропии в плане отношений между людьми».

Короче, примитивные культуры являются продуктом эгалитарных обществ, в которых отношения между людьми отрегулированы раз и навсегда и повторяют себя, а цивилизации основываются на обществах с иерархическими отношениями, которым присущи весьма значительные различия между группами, что влечет за собой противоречия, социальные конфликты, политическую борьбу и постоянное развитие.

- **Наличие или отсутствие городов представляется наиболее существенным внешним проявлением различий между «культурами» и «цивилизациями».**

Города множатся на уровне цивилизаций, тогда как на уровне культур их присутствие почти незаметно. Безусловно, между этими уровнями существуют промежуточные ступени. Что представляет собой Черная Африка, если не группу традиционных обществ, культур, вступивших на путь трудного, иногда жестокого процесса зарождения цивилизации и современной урбанизации? Их города, чувствительные к влияниям извне, представляются островками посреди сельских районов. Они предвосхищают будущее общество и цивилизацию.

Однако и цивилизации, и самые блестящие общества предполагают наличие внутри них элементарных, примитивных культур и обществ. Вслушайтесь в диалог городов и деревень. В любом обществе развитие по регионам неравномерно, оно поразному затрагивает различные слои населения. И здесь часто встречаются островки слаборазвитости (горные районы, поскольку они слишком бедны или слишком удалены от коммуникационных путей), подлинные примитивные общества, настоящие «культуры», оказывающиеся в центре той или иной цивилизации.

Первый успех Запада заключался, бесспорно, в том, что города «поглощали» сельскую местность и сельские «культуры». В мире ислама двойственность гораздо заметнее, чем на Западе: города возникают раньше, и они раньше становятся, если так можно сказать, собственно городами, тогда как в Европе сельская местность остается более примитивной, включая обширные зоны кочевого населения. На Дальнем Востоке различия остаются правилом: культуры по-прежнему раздельны, изолированы, живут за счет собственных ресурсов. Крупные города существуют одновременно с сельской местностью, экономика которой остается замкнутой, иногда примитивной.

- **Учитывая тесные взаимосвязи между цивилизацией и обществом,**

уместно обращаться к социологии каждый раз, когда речь идет о длительной истории цивилизаций.

Но будучи историками, мы не будем путать общества и цивилизации.

В следующей главе мы объясним в чем, на наш взгляд, состоит разница между ними: с точки зрения продолжительности цивилизация покрывает, включает в себя временные пространства гораздо более широкие, чем данная социальная реальность. Цивилизация меняется не так быстро, как общества, которые она в себе несет или которые влечет за собой. <...>

Цивилизации как экономические уклады

Всякое общество, всякая цивилизация зависит от экономических, технологических, биологических, демографических условий. Они беспрестанно довлеют над судьбой цивилизаций. Уменьшение или увеличение численности населения, здоровье и болезни, экономический и технический подъем или спад отражаются на культурной или социальной сфере. Политическая экономия есть в широком смысле изучение всех этих огромных проблем.

- **Значение численности населения: долгое время человек оставался единственным орудием, единственным двигателем, имеющимся в собственном распоряжении, а следовательно, и единственным создателем материальной цивилизации. Он построил ее своими руками.**

В принципе, впрочем, так было и в действительности, всякое увеличение народонаселения способствовало развитию цивилизаций. Так было в Европе в XIII, XVI, XVIII, XIX и XX вв.

Но столь же регулярно чрезмерное народонаселение, благоприятное сначала, становится отрицательным фактором, когда демографический рост происходит быстрее, чем рост экономический. Так было в Европе с начала XVI в. То же мы наблюдаем и сегодня в большинстве слаборазвитых стран. В прошлом следствием этого становились голод, уменьшение реальной заработной платы, народные волнения, чудовищные эпохи регресса. Продолжалось это до той поры, пока эпидемии и голод резко не уменьшали численности населения. После таких демографических катастроф (например, после катастрофы второй половины XIV в. в Европе, вызванной чумой и прочими эпидемиями) оставшиеся в живых какое-то время находились в большем достатке, возобновлялось экономическое развитие, продолжавшееся до будущего кризиса.

Только индустриализация конца XVIII—XIX вв. разорвала этот порочный круг и дала людям, даже если их численность была избыточна, возможность работать и жить. История Европы свидетельствует: возрастающая ценность человека, необходимость уменьшить его занятость сделали возможным развитие техники. Греко-римская античность, при всей ее интеллектуальной мощи, не имела в своем распоряжении машин, которые были бы равны ее разуму. Впрочем, она и не стремилась их получить: ее ошибкой было то, что она использовала рабский труд. Классический Китай, сформировавшийся еще до XIII в., при всем его интеллектуальном и техническом могуществе, имел, к сожалению, слишком большое население. Человек ничего не стоил: он выполнял все функции в экономическом укладе, где практически не было домашних животных. Вот почему Китай, долгое время идущий впереди в научном плане, не смог преодолеть порог современной науки. Он оставил Европе эту привилегию, эту честь, это преимущество.

- **Влияние экономических колебаний: экономическая жизнь не перестает меняться в ритме коротких или длинных колебаний.**

Так годами чередуется хорошая и плохая экономическая конъюнктура, а общества и цивилизации испытывают на себе последствия этих колебаний, особенно когда речь идет о продолжительных циклах. Пессимизм и беспокойство уходящего XV в., этой «осени Средневековья», которая так занимала Й. Хейзинга, соответствуют заметному спаду экономики Запада. Схожим образом позднее европейский романтизм совпадает с долговременным снижением экономической активности в период с 1817 по 1852 г. Экономическая экспансия второй половины XVIII в. (после 1733 г.) столкнулась с определенным спадом (например, накануне Французской революции), но в целом ее благотворный подъем способствовал развитию мысли эпохи Просвещения в благоприятном контексте, активной торговли, роста промышленности, увеличения численности населения.

- **Куда бы ни были направлены колебания, экономическая жизнь почти всегда создает излишки.**

Расходование, разбазаривание этих излишков было одним из необходимых условий для роскоши цивилизаций, для процветания некоторых видов искусства. Когда мы сегодня восхищаемся архитектурой, скульптурой, портретной живописью, мы, сами того не замечая, наблюдаем спокойную гордость города, безумное тщеславие принца, нуворишество банкира. Начиная с XVI в. (а то и еще раньше) в Европе цивилизация на своем высшем уровне находится под знаком денег и капитализма.

Цивилизация есть также производное от определенного *перераспределения* денег. Цивилизации окрашиваются по-разному в соответствии со свойственным им способом перераспределения на основе действующих социальных и экономических механизмов, изымающих из денежного оборота часть средств, которые тратятся на предметы роскоши, искусство, культуру. В XVII в., в очень тяжелый с точки зрения состояния экономики период царствования Людовика XIV, меценаты, если они и были, группировались при королевском дворе. Вся литературная и художественная жизнь была ограничена этим узким кругом. В более пышный и легкий с точки зрения экономических возможностей период XVIII века аристократия и буржуазия, следуя примеру королевского двора, в более широких масштабах участвовали в распространении культуры, науки, философии...

Но в ту эпоху роскошь оставалась привилегией социального меньшинства. Скрытая цивилизация бедной повседневной жизни никакого отношения к ней не имела. Но известно, что первый этаж цивилизации является зачастую самым показательным. Что такое свобода? Что такое культура индивидуума, когда ему недоступен даже прожиточный минимум? С этой точки зрения, столь часто подвергающийся нападкам «скучный» XIX в., век нуворишей, век «победившей буржуазии», возвещает (если сам и не реализует) приход нового времени для судьбы цивилизаций и человека. Одновременно с ростом народонаселения людей все чаще приглашают участвовать в некоей *коллективной цивилизации*. Разумеется, в социальном плане цена такой трансформации (безусловно, неосознанной) была очень высокой. Но значительной была и выгода. Развитие образования, доступ к культуре, к университетским знаниям, движение вверх по социальной лестнице — все это завоевания богатого XIX в., имевшие очень серьезные последствия.

Важной проблемой сегодняшнего и завтрашнего дня является создание цивилизации, которая была бы одновременно качественной и массовой, дорогостоящей,

немыслимой без крупных денежных вложений, поставленных на службу обществу, без досуга, который автоматизация, безусловно, скоро нам предоставит. В индустриально развитых странах такое будущее уже вырисовывается, его контуры уже заметны. Но если взять общемировой масштаб, то здесь все обстоит иначе.

Это происходит потому, что созданное экономической деятельностью неравенство в доступе к благам цивилизации для различных социальных слоев существует и между различными странами мира. Значительная часть мира представляет собой, по словам одного автора, «внешний пролетариат», известный под названием третьего мира, — огромную массу людей, для которых доступ к прожиточному минимуму оказывается важнее доступа к цивилизации (им зачастую неизвестной) своей собственной страны. Или человечество приложит усилия для выравнивания этих гигантских различий, или *цивилизация* и *цивилизации* окажутся, и надолго, проигравшей стороной.

Цивилизации как коллективные мышления

После географии, социологии и экономики обратимся к психологии. При том, однако, отличии, что коллективная психология не столь в себе уверена, не так богата результатами, как упомянутые выше науки о человеке. Она редко отваживалась появляться на дорогах истории.

- **Коллективная психика, рост сознательности, мышление или мыслительный инструментарий? Трудно определиться с терминами, которые предлагает длинное название данного параграфа. Эта множественность терминов указывает на молодость коллективной психологии как науки.**

Крупный специалист в данной области, историк Альфонс Дюпрон высказался в пользу *психики*. *Рост сознательности* имеет временные ограничения. *Мышление* является, по всей вероятности, наиболее удобным. Люсьен Февр в своей великолепной книге *Рабле* предпочитал говорить о *мыслительном инструментарии*.

Но что значат слова? Ведь проблема не в них. В каждую эпоху общественные массы вырабатывают определенное главенствующее представление об окружающем мире, ими движет господствующее коллективное мышление. Это мышление, которое определяет отношение, выбор, усугубляет предрассудки и влияет на общественные процессы, является безусловным цивилизационным фактом. В гораздо большей степени, чем исторические и социальные обстоятельства и случайности эпохи, оно представляется наследием предшествующих поколений, их верований, страхов, неосознанных беспокойств, плодом той гигантской контаминации, семена которой были посеяны в прошлом и передавались из поколения в поколение. Реакция общества на происходящие события, на оказываемое на общество давление, на принимаемые решения, которых требует общество, в меньшей степени обусловлены логикой или даже личным интересом, чем неформулируемым и часто невысказанным требованием, которое возникает в глубинах коллективного подсознания.

Эти основополагающие ценности, эти психологические структуры представляют собой то, что цивилизации *в наименьшей мере передают одна другой*, что их изолирует и наиболее различает. Это мышление также мало подвержено влиянию времени. Мышление изменяется медленно, оно преобразуется после долгих «инкубационных» периодов, также мало осознаваемых.

- **Религия в этом смысле представляется наиболее сильной характерной**

чертой цивилизаций, она одновременно их прошлое и настоящее.

Прежде всего это верно для неевропейских цивилизаций. В Индии, например, все поступки принимают форму и находят свое обоснование в религиозной жизни, не имея рационального объяснения. Это удивляло уже греков, если верить истории, поведенной Евсевием, епископом Кесарийским (265—340): «Музыкант Аристоксан рассказывает об индусах следующее: один из них встретил Сократа в Афинах и попросил у него дать определение его философии. «Это исследование человеческих реальностей», — ответил Сократ. Услышав ответ, индус засмеялся. «Как человек может изучать человеческие реальности, — воскликнул он, — когда он не знает реальностей божественных!».

Неспособность человека измерить одновременно огромную тайну и единичность сверхъестественного, современный индийский философ Синити Кунар Шатержи проиллюстрировал следующим образом: «Мы подобны слепым, которые, ощупывая те или иные части тела слона, остаются в убеждении, что они трогают то колонну, то змею, то что-то твердое, то стену, то щетку с гибкой ручкой, хотя на самом деле они касаются ноги, хобота, бивня, тела или хвоста».

По сравнению с таким религиозным самоуничижением Запад поражает нас забывчивостью по отношению к своим христианским корням. Но в гораздо большей степени, чем о разрыве между культурной и религиозной сферами, осуществленным рационализмом, следует говорить о сосуществовании религии, науки и светской жизни, а точнее о драматическом или дружественном диалоге между ними, который никогда не прерывался, несмотря на видимость этого. Христианство утверждается как основная реальность западной жизни, которая накладывает свой отпечаток даже на атеистов, хотя они того или нет. Этические, поведенческие нормы, отношения к жизни и смерти, представления о труде, ценности усилия, роль женщины или ребенка — все это кажется таким далеким от христианских чувств, но тем не менее вытекают из него.

Однако очевидно, что тенденция развития западной цивилизации после формирования греческой мысли происходит в направлении рационализма, т.е. освобождения от религиозности. В этом заключается своеобразие западной цивилизации, к которой мы еще вернемся. За исключением некоторых примеров (китайские софисты или арабские философы XII в.), нигде еще в мире такого освобождения от религии не наблюдалось столь же отчетливо как на Западе. Почти всегда мировые цивилизации погружены в религиозное чувство, в сверхъестественное, в магию; такое состояние сохраняется и в наше время: незападные цивилизации определяются главным образом своей особой психикой. Мы будем иметь возможность еще неоднократно сказать об этом.